

УИНИФРЕД УОТСОН

ОДИН ДЕНЬ МИСС ПЕТТИГРЮ

ПЕРЕВОД
ЮРИЯ МАЧКАСОВА

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Уинифред Уотсон
Один день мисс Петтигрю

Издательство "Livebook/Гаятри"

2000

УДК 82-31
ББК 84(7)

Уотсон У.

Один день мисс Петтигрю / У. Уотсон — Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2000

ISBN 978-5-6040083-3-1

Мисс Петтигрю, дочь vicария и скромная гувернантка, оставшаяся без работы, устраивается на службу к молодой актрисе и сразу попадает в светское общество Лондона 1930-х годов: роскошные ночные клубы, шикарные наряды, невероятные мужчины и любовные интриги. Тут бы ей опешить и сбежать к привычному – скучному, бедственному, но проверенному – существованию, но желание взглянуть на бомонд не на экране кинотеатра побеждает. И мисс Петтигрю остается. Она еще не знает, что один этот день изменит всю ее жизнь. «Один день мисс Петтигрю» – удивительно живая, яркая история, покоряющая читателя тонким юмором, жизнелюбием и женской мудростью. Имя Уинифред Уотсон стоит в одном ряду английской литературы вместе с Пеламом Гренвиллом Вудхаусом и Джеромом Клапкой Джеромом.

УДК 82-31
ББК 84(7)

ISBN 978-5-6040083-3-1

© Уотсон У., 2000
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2000

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	10
Глава вторая	17
Глава третья	23
Глава четвертая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Уинифред Уотсон

Один день мисс Петтигрю

Miss Pettigrew
Lives For a Day by Winifred Watson

Preface © Henrietta Twycross-Martin 2000

© 2000 The Estate of Winifred Watson
© Юрий Мачкасов, перевод на русский язык, 2018
© Livebook Publishing, оформление, 2018

* * *

Предисловие

«Один день мисс Петтигрю» (1938) – очаровательная вариация на тему «Золушки», но и история ее переиздания тоже в некотором роде похожа на сказку.

Думаю, что впервые я прочла эту книгу еще подростком, потому что она была любимой книгой моей матери – к которой, как я теперь понимаю, она обращалась не только для того, чтобы сбежать на время в мир радостной фантазии, но и потому еще, что в определенном смысле мисс Петтигрю, немолодая, небогатая гувернантка, была схожа с ней самой. Она была матерью-одиночкой в те времена, когда это было непростой задачей (я родилась в 1942 году), и работала в том числе гувернанткой, кухаркой, а потом директором небольшой частной школы; денег это приносило немного, друзей – и того меньше, но зато у нас в избытке было неуверенности в будущем.

Это не мешало моей матери быть неизлечимой оптимисткой, и ее любимая книга укрепляла ее уверенность, что в конце концов все сложится хорошо – в чем она оказалась права. Поэтому мисс Петтигрю сопровождала меня в школе, потом переехала в Оксфорд, потом согласилась делить со мной жизнь университетского преподавателя, и наконец мы вместе вышли на пенсию в Кембридже, где в один прекрасный день я дала «любимую книгу своей матери» почитать бывшей коллеге – которая приняла и прочла ее с радостью, включила в программу своего курса, и даже разыскала впоследствии копию в библиотеке, чтобы немного подбодрить себя одним дождливым вечером.

Таким образом, моя любовь к «Мисс Петтигрю» явно основывалась более чем на одной семейной привычке – и поэтому, когда несколькими неделями позже, в еще один серый денек, в мой почтовый ящик упал ежеквартальный каталог издательства «Персефона», я перечла их обычную просьбу предлагать рукописи для рассмотрения и написала им ответ, а потом даже лично отнесла свою единственную копию в редакцию. И снова роман был принят с восторгом, а мне было поручено написать предисловие. «Прекрасно», – подумала я, и направилась в университетскую библиотеку, исполненная надежды – Уинифред Уотсон в тридцатые годы написала целых шесть романов, поэтому мне казалось, что найти о ней всю интересующую меня информацию не составит большого труда.

Увы, рецензии на ее книги не сообщили мне ничего; все записи «Метьюэн», ее первого издателя, пропали во время войны, в обычных источниках биографические данные отсутствовали – короче, я оказалась на мели. Но потом библиотекари вытащили для меня суперобложки первых изданий – и на одной из них было сказано, что мисс Уотсон, прежде чем стать писателем, работала машинисткой в Ньюкасле. Я немедленно позвонила в главную библиотеку этого города, но с этой стороны никакой помощи не последовало, кроме фамилии ее мужа и адреса, по которому она проживала в 1974 году. Тогда на помощь пришла телефонная книга; найдя в ней соответствующую строку, я набрала номер и спросила, известно ли моей собеседнице местопребывание некой мисс Уотсон. К моему полному изумлению, ясный голос ответил мне: «Это я».

Было немедленно назначено интервью, и я отправилась в Ньюкасл, где и имела двухчасовую беседу с мисс Уотсон, которая, в свои 93 года, все еще жила в собственной квартире в Джесмонде – где и провела почти всю свою жизнь; в точности та очаровательная и наблюдательная дама, какую и можно себе представить, читая ее книги. Она, впрочем, настаивала, что жизнь у нее была исключительно обыкновенная и ничем не примечательная. Однако из тех шести книг, которые она написала, «Мисс Петтигрю» всегда была ее любимой.

Уинифред Уотсон родилась в 1906 году при обстоятельствах, которые можно назвать вполне благоприятными – ее отец владел одним магазином в Гейтсхеде и тремя собственно в Ньюкасле. Основными посетителями этих магазинов были рабочие и их семьи; как она объ-

яснила мне, в те времена рабочий люд не любил ходить в «большие магазины» в центре города, а предпочитал свои собственные, в бедных районах.

Мне кажется, этим и объясняется тот живой интерес к городской рабочей бедноте, который виден, например, в книге «В паре шагов» (1939), романе, последовавшем за «Мисс Петтигрю». Но для самой юной Уинифред жизнь в предвоенном Джесмонде представлялась спокойной и вполне счастливой; в семье были две старших сестры и братья-близнецы. Уинифред и сестры получили образование в интернате Св. Ронана в Бервик-он-Твид, откуда она поступила в реальное училище, а потом устроилась секретаршей. На этой должности обязанности ее были настолько незначительными, что в остающееся свободным время Уинифред перечитала множество романов. Когда однажды сестра спросила, что она читает, она ответила, что ужасную ерунду – и что сама написала бы значительно лучше. Услышав это, муж сестры сказал, что в таком случае пора бы и начинать. Что она и сделала: «На холме» (1935), ее первый роман, был создан полностью в рабочее время.

На следующей работе писать книги времени уже не оставалось, и «На холме» отправился в ящик стола – до тех пор, пока ее сестре совершенно случайно не попало объявление в газете: литературный агент приглашал начинающих писателей присылать рукописи. Кто-то порекомендовал Уинифред сказать агенту, что у нее также готов и второй роман; это помогло, и издательство заключило с ней контракт на четыре книги. Таким образом, необходимо было срочно создать несуществующий второй роман, в результате свадьба, которая должна была состояться в июне 1935 года, была перенесена на январь 1936-го, чтобы летом ей ничто не мешало писать «Разные туфли» (1936). Даже выйдя замуж, Уинифред продолжала работать под девичьей фамилией; муж ее, судя по всему, очень гордился писательской карьерой своей супруги и всячески ее поддерживал.

«На холме», модный в те времена «сельский роман», того сорта, который был безжалостно высмеян Стеллой Гиббонс в «Неуютной ферме», сразу же принес молодому автору известность: рецензенты расхваливали суровую мощь сюжета, замешанного на убийстве из ревности и созданного юной и, если судить по официальным фотографиям, весьма миловидной дебютанткой. «Метьюэн» дало обед в честь выпуска книги в самом роскошном ресторане Ньюкасла – чего раньше ни одно другое лондонское издательство не делало. Фотографии молодого дарования появились во всех городских газетах, на обеде присутствовал весь цвет города, а специалист по классике Эмиль Рье, в то время директор «Метьюэн», лично проделал путешествие на север, чтобы дать лекцию в ее честь. Вскоре последовала радиопостановка, а в следующем году еще один обед дал толчок популярности «Разных туфель», романа, описывающего жизнь в Ньюкасле XIX века, – и принятого не менее благосклонно, как продолжение работы многообещающего нового автора.

С двумя романами, одним сельским и одним историческим, в запасе Уинифред Уотсон следующей своей книгой совершила крутой разворот. Но получив сигнальный экземпляр «Одного дня мисс Петтигрю», читатели остались в недоумении; они ожидали еще один «женский роман», желали сдержанных страстей на фоне провинциальной жизни давно ушедших лет, а не фантазии из Вест-Энда – гувернантка, певичка, кокаин и комедия положений. Уинифред протестовала, заявила издателям, что они совершают ошибку, но тем не менее выполнила свои обязательства, написав «Где-то в высоте», еще одну историю сельской страсти – такой силы, что один местный рецензент, качая головой, отметил: «Некоторые реплики и события кажутся нам не просто немного неприличными, но почти непристойными – настолько, что отвлекают от умело закрученного сюжета». В 1938 году были опубликованы обе книги сразу – и прием, выпавший на долю «Мисс Петтигрю», убедительно доказал правоту автора. Американское издание не заставило себя ждать, за ним последовал перевод на французский, а в 1939 году Уотсон согласилась и на перевод на немецкий; она рассказывала потом,

что, запечатывая письмо, знала, что Англия будет воевать с Германией к тому времени, когда оно дойдет. Она оказалась права и в этом.

Что бы рецензент, осудивший «Где-то в высоте» за излишнюю вольность, сказал о «Мисс Петтигрю», мы, к счастью, не знаем. Предыдущие книги Уотсон ни в коей мере не могли подготовить читателей продукции «Метьюэн» к такой кардинальной смене направления, к празднику, веселью, легкомыслию, очарованию романа, расчисленного по часам, сюжета, более подходящего фильму с участием Фреда Астера. То умудренная, то наивная, Мисс Петтигрю неизменно изобретательна; героиня строго блюдет мораль, но разочаровывается в ней на протяжении единственного дня и начинает боготворить своих новых знакомиц, мисс Лафосс – обладательницу трех любовников одновременно (а также, вполне возможно, двух незаконных детей) и мисс Дюбарри, владелицу лучшего салона красоты во всем Лондоне, весело объясняющую, что «если с самого начала поставить вопрос „или замуж, или ничего“, то они, как правило, выбирают „замуж“». Мне повезло, он был от меня без ума, и долго такого темпа не выдержал. Ему достался приличный надгробный памятник, а мне – салон». И так далее – блестящие реплики, и полное отсутствие как сельского диалекта, так и суровой внутренней борьбы. Автор нашел наконец свой стиль. Шикарные ночные клубы тридцатых, роскошные вечерние платья, мужчины, разодетые в пух и прах, словно сходят живыми со страниц книги. При этом заметим, что Уинифред Уотсон ни тогда, ни впоследствии ни разу не открывала двери ночного клуба. «Когда пишешь, важно самому чувствовать, что пишешь правильно – тогда тебе обязательно поверят», – сказала она мне.

К тому времени, как началась война, Уотсон закончила и свой пятый роман, «В паре шагов» (1939), еще одну вариацию на тему «Золушки», взявшую от «Мисс Петтигрю» оптимизм и юмор, но перенесшую их в декорации современной городской нищеты. Обе книги до сих пор превосходно читаются. Последний роман, наполовину детектив, наполовину психологический этюд из жизни высших классов Лондона и окрестностей, был опубликован в 1943 году.

Этот роман, «Оставляю и завещаю», посвящен свекрови Уотсон, «в благодарность за неизменную доброту»; после 1943 года Уотсон не только ничего не издала, но даже и не написала, если не считать ста двадцати страниц набросков к еще одному роману, теперь утерянному. В потере стоит винить обстоятельства, а не сознательное решение: однажды вечером во время войны Уотсон осталась дома одна с сыном, и ребенок отказался засыпать в своей комнате на верхнем этаже, поэтому она принесла его вниз, в гостиную. Она рассказывала, что смотрела, как он смеется в колыбельке, когда услышала вой авиабомбы. Осколки взорванного камина уничтожили кровать в его комнате; в соседних домах было несколько жертв. То, что сын оказался внизу, спасло его; он пережил войну, женился, и у него самого родились двое детей.

Уотсон угрожала бездомность, но, как она говорила, «в те времена женщины более старшего поколения не могли жить сами по себе – они просто не знали, как это делается»; ее свекровь переехала к замужней дочери, сама она – в дом свекрови, а ее мать, в свою очередь, – к ней. Писательству сразу же пришел конец. Как Уинифред объяснила мне – не с обидой, а всего лишь констатируя факт, – «невозможно писать, когда ни на секунду не остаешься одна». Шестью годами позже, снова в своем собственном доме, она почувствовала, что время ушло, и оставила литературные занятия без сожаления, как нечто, принадлежащее иному периоду своей жизни.

Хотя шесть книг распадаются в целом на две группы – три о жизни в северной провинции в прошлом веке и три в современных обстоятельствах, – при чтении подряд они поражают индивидуальностью: сельский роман, исторический, комическая фантазия, «бедная девушка выходит в свет», убийство с семейными осложнениями. И при этом все они поднимают вопросы, общие для «женских романов» того времени – описывают жизнь с точки зрения

женщины, особое внимание уделяя преодолению трудностей и победе над обстоятельствами, необходимыми для наступления неизбежного счастливого финала.

Во время нашей встречи Уотсон заявила, что женщины читают женские романы, а мужчины – мужские; возможно, в те времена, когда она писала свои книги, это утверждение было более истинным, чем сейчас. Ее собственные романы отчетливо сюжетны; она точно знала, что произойдет еще прежде, чем выводила первую строку. Цельные истории, приятное чтение, взять в библиотеке и вернуть – в точности так, как сама Уинифред делала с теми книгами, о которых сказала потом, что может, по крайней мере, лучше, чем *это*, – и получила совет приниматься за дело. Северные романы Уотсон предвосхищают более поздние книги Кэтрин Куксон, поднимая схожие темы: сложные взаимодействия внутри семьи и между полами, разрешаемые способами, идущими поперек общепринятых норм и даже против закона – но такими, которые позволяют женским персонажам выжить и достичь успеха. Мне неизвестно с определенностью, что Куксон в юности читала романы Уотсон, но учитывая, насколько популярными и широко известными они были в то время в Ньюкасле, было бы удивительно, если бы она ничего о них не знала.

Сквозь все эти книги проходит тема женщины, получившей последний шанс, приспособившейся к новым обстоятельствам, оставляющей позади прежнюю жизнь – как и сама Уотсон, постоянно открывающая для себя новые жанры; смена направления была для нее неразрывно связана с писательством. В конце концов этот путь привел ее к тому, чтобы перестать быть писателем вовсе, к моему, но не к ее большому сожалению.

«Я прожила радостную жизнь», – сказала она мне. И, могу я добавить, написала радостную книгу – которая лежит теперь перед вами.

*Генриетта Твайкросс-Мартин
Кембридж, 2000*

Глава первая

9:15–11:11

Мисс Петтигрю открыла дверь и вошла в помещение бюро трудоустройства ровно в тот момент, когда часы прозвонили четверть десятого. Никакой надежды она, как обычно, не питала, но на этот раз хозяйка встретила ее улыбкой.

– А, мисс Петтигрю! А у меня для вас кое-что имеется. Сразу двое; доставили вчера, но уже после того, как я ушла. Так, где же... Ах, вот оно. К миссис Хилари, горничная. И к мисс Лафосс, гувернантка в детскую. Хм. Я бы предположила, что наоборот, но что есть, то есть. Может быть, она удочерила какую-нибудь сиротку-племянницу.

И она выдала мисс Петтигрю карточку с адресом.

– Вот, пожалуйста. Мисс Лафосс, Онслоу Маншенс, квартира пять. Сегодня ровно в десять. Как раз успеете.

– О! Благодарю! – еле слышно произнесла мисс Петтигрю, едва не падая в обморок от облегчения. Она крепко зажала в руке кусочек картона. – Я уже почти отчаялась. Теперь так редко нуждаются в услугах таких, как я.

– Да, нечасто, – согласилась мисс Холт и, закрывая за мисс Петтигрю дверь, подумала: «Надеюсь, от нее наконец избавились».

Выйдя обратно на улицу, мисс Петтигрю закуталась поплотнее. Стоял ноябрь, и день был холодный, серый и туманный, в воздухе висела морось. Блекло-бурое пальто мисс Петтигрю теплым назвать было сложно. Ему шел пятый год. Вокруг шумел моторами Лондон. Пешеходы поспешали по своим делам, стремясь как можно скорее покинуть неприятные улицы. Мисс Петтигрю влилась в общий поток, угловатая дама средних лет, роста тоже среднего, худоская вследствие плохого питания, с выражением покорно-безнадежным, и с глазами, полными тихого ужаса – видного любому, кто бы в них заглянул. Но во всем мире никому не было дела, живет ли на этом свете мисс Петтигрю или нет.

Мисс Петтигрю дошла до остановки автобуса. Билет она себе позволить не могла, но еще менее она могла позволить себе опоздать и лишиться последней надежды. Автобус высадил ее примерно в пяти минутах ходьбы от Онслоу Маншенс, и ровно без семи десять она прибыла к месту своего назначения.

Здание, в котором находилась нужная ей квартира, выглядело очень роскошно и очень угрожающе. Мисс Петтигрю остро ощущала, что одета она нищенски, что благородство ее увяло, а храбрость изрядно повыбита неделями общения с биржей труда. На мгновение она остановилась и произнесла про себя: «Господи! Я знаю, что усомнилась в Твоем милосердии, так прости же мне и не оставь меня в этот час». К этой молитве она присовокупила небольшой довесок, впервые за долгое время позволив себе честно признаться в том, что раньше усердно гнала из своей головы: «Это мой последний шанс, и мы с Тобой оба это понимаем».

С этим она поднялась по ступеням и вошла в дверь. Портье проводил ее подозрительным взглядом. Храбрости на то, чтобы вызвать лифт, у нее не хватило, и она пошла по лестнице, оглядываясь на каждой площадке, пока не оказалась перед квартирой с номером пять. Небольшая табличка на двери гласила: «Мисс Лафосс». Мисс Петтигрю вперила взгляд в часики, оставшиеся ей по наследству от матери, дождалась, пока они показали ровно десять, и позвонила.

Никто не ответил. Она позвонила снова. В обычной жизни она, конечно же, не была столь напористой, но страх придал ей дерзости и даже отваги. В течение целых пяти минут она то нажимала, то отпускала кнопку звонка. Внезапно дверь распахнулась. За ней стояла молодая женщина.

Мисс Петтигрю ахнула. Существо, представшее перед ней, было настолько очаровательно, что немедленно навело на мысли о звездах экрана.

Небрежно ниспадающие золотистые кудри окружали лицо ореолом. В глазах, синих, словно колокольчики, все еще стоял недавний сон. Милая краска юности заливала щеки. Одетая она была в пеньюар, но поверх набросила пышную накидку, из тех, что в сценах соблазнения падают с плеч самых знаменитых и обворожительных актрис. В вопросах особенностей платья и поведения царственных особ кинематографа мисс Петтигрю разбиралась прекрасно.

В унылой череде дней ее жалкого существования единственным ярким пятном было время разврата, которому она еженедельно предавалась в кино. На два часа она переносилась в зачарованный мир, населенный хрупкими красавицами, мужественными героями, коварными злодеями и благосклонными работодателями, где не существовало ни ужасных родителей, ни их не менее ужасного потомства – никого, кто мог бы требовать, торопить, терзать, отравлять каждую ее минуту. Никогда в жизни мисс Петтигрю не видела, чтобы хотя бы одна женщина спустилась к столу в шелковом белье и атласном пеньюаре с кружевами. В фильмах же так делала *каждая*. Поэтому когда перед ней во плоти явилось такое милое видение, она почти отказалась верить собственным глазам.

Однако от ее взгляда не ускользнула важная деталь. Лицо девушки, открывшей дверь, представляло собой застывшую маску испуга. Впрочем, при виде мисс Петтигрю она просияла, и черты ее лица немедленно разгладились.

– Я пришла... – робко начала мисс Петтигрю.

– Который час?

– Когда я начала звонить, было в точности десять. Как вы и указали, мисс... Мисс Лафосс? Я здесь уже пять минут. Сейчас пять минут одиннадцатого.

– Боже!

Неожиданная собеседница мисс Петтигрю круто развернулась и исчезла из виду. Войти она ее так и не пригласила, но призрак нищеты, стоящий перед некогда благородной дамой, продолжал подталкивать ее к безрассудным поступкам: мисс Петтигрю зашла и прикрыла за собой дверь.

«Без собеседования не уйду», – решила она.

Она успела заметить полу одежды, скрывающуюся за дверью соседней комнаты, и сразу услышала настойчивый голос:

– Фил! Фил, лежебока! Вставай! Половина одиннадцатого.

«Склонна к преувеличениям, что на детей влияет пагубно», – отметила мисс Петтигрю.

Пауза дала ей возможность осмотреться и оценить обстановку. Роскошные подушки на еще более роскошных креслах и диване. Пушистый, словно бархатный, ковер со странным, бесформенным узором. Невероятные, умопомрачительные занавески на окнах. На стенах – картины, свойства... весьма нескромного, определила для себя мисс Петтигрю. Безделушки всех цветов и размеров на каминной полке, на столе и этажерках. Ни одна из вещей не сочеталась ни с одной другой. И вместе с тем каждая сверкала необычностью, экзотикой, от которой захватывало дух.

«Для порядочной женщины комната вовсе неподходящая, – подумала мисс Петтигрю. – Моя дорогая мать ни в коем случае не одобрила бы. И все же... И все же – да, о, да, несомненно, именно такая, какая только и подошла бы этому воздушному созданию, столь внезапно упорхнувшему».

Она еще раз сурово и неодобрительно оглядела комнату, но неодобрение в ее груди уже теснилось странным чувством, похожим на возбуждение. Именно в таких квартирах и происходили *события*, случались *явления*, а их удивительные обитатели, вроде ее мимолетной собеседницы, вели кипучую жизнь, полную опасностей и приключений.

Вспугнутая собственными мыслями, принявшими столь легкомысленный оборот, мисс Петтигрю резко окоротила разыгравшееся воображение и направила его в практическое русло.

«Однако, дети, – размышляла она. – Где в этой невозможной комнате возможно играть или заниматься с детьми? Пятно грязи или чернил на этих подушках – это же святотатство».

Из-за двери соседней комнаты, являвшейся, по всей видимости, спальней, до мисс Петтигрю доносились звуки оживленной перепалки. Уютно-ворчливый баритон какого-то мужчины:

– Ну перестань. Иди сюда.

И высокий, требовательный голос мисс Лафосс:

– Ни в коем случае. Мало ли, что ты все еще сонный. Я-то уже встала, и у меня этим утром много дел. Не думай, что можешь тут спокойно прохрапеть до полудня, мне эту комнату еще убирать сегодня.

Вскоре дверь распахнулась, выпустила мисс Лафосс, и сразу вслед за ней – мужчину в шелковом халате такой ослепительной расцветки, что мисс Петтигрю заморгала.

Она стояла, подавшись слегка назад, сжимая сумочку дрожащими руками и ожидая в любую секунду требования объясниться, что означает ее присутствие в этой квартире. Жаркие волны накатывающего ужаса даже заставили ее вспотеть, хотя и слегка. Собеседования ей никогда не удавались. Внезапно страх охватил ее целиком, страх, что она уже проиграла и стоит одиноко на поле битвы, которая, однако, еще даже и не начиналась. Эти люди... никакие люди никогда больше не будут нуждаться в ее услугах, а тем более оплачивать их. Цепляясь за остатки достоинства, она выпрямилась и покорно приготовилась к тому, что сейчас ей велют удалиться.

Молодой человек скользнул по ней дружелюбным взглядом, никак не показывая, что удивлен.

– Утречко.

– Доброе утро, – сказала мисс Петтигрю.

Силы оставили ее, и она рухнула на ближайший стул.

– Она и вас из постели выдернула?

– Нет.

– Не может быть. С утра уж на ногах, и при полном параде?

– Сейчас тринадцать минут одиннадцатого, – строго заметила мисс Петтигрю.

– А! То есть и не ложились. Воля ваша, но кутить всю ночь – это не по мне. Хожу целый день сам не свой, если не выплюсь хорошенько.

– Но я не кутила всю ночь, – возразила мисс Петтигрю, слегка сбита с толку.

– Ах, женщины. Удивительные создания.

Мисс Петтигрю сдалась. Поддерживать пикировку на таком уровне она не могла, так что просто молча уставилась на собеседника. Изысканный, ухоженный, уверенный в движениях; карие, влажно поблескивающие глаза, темные волосы. Нос у него был скорее крупным, губы – довольно полными, и, взятые вместе, его черты, с одной стороны, говорили, что перед ней человек, с которым шутки плохи, но с другой – намекали, что при правильном обращении с ним вполне приятно иметь дело.

Ни к кому не обращаясь, он бросил небрежно:

– Возможно, некоторые так торопятся, что могут обойтись стаканом апельсинового сока, но я-то не могу. Я голоден. И мне нужен завтрак.

– Завтрак? – ахнула мисс Лафосс. – Завтрак! Ты же знаешь, горничная ушла, а я не умею. Я не смогу приготовить ничего сложнее крутого яйца!

– Терпеть не могу крутые яйца.

Взгляд мисс Лафосс нашел мисс Петтигрю. Это был просительный, молящий взгляд.

– А вы... умеете готовить?

Мисс Петтигрю встала.

– Мой отец неоднократно говорил мне, – сказала она, – что после моей дорогой матери я – лучшая кухарка, которую он видел в жизни.

Лицо мисс Лафосс озарилось счастьем.

– Я так и знала. Как только я вас увидела, то немедленно поняла, что на вас можно положиться. От меня-то толку никакого. Кухня – вот в эту дверь. Там должно быть все, что нужно. Но умоляю, скорее, скорее же!

Мисс Петтигрю, польщенная, окрыленная и озадаченная, направилась к указанной ей двери. Ей самой было давно и хорошо известно, что положиться на нее нельзя. Но, быть может, известно ей это было лишь потому, что до сих пор ее неизменно полагали бесполезной? Как знать, какие скрытые возможности таятся в каждом из нас? С гордо поднятым подбородком, сияющими глазами и учащенно бьющимся сердцем мисс Петтигрю вступила на кухню. За ее спиной мисс Лафосс продолжала настаивать:

– А ты пока брейся и одевайся, Фил. Завтрак будет готов для тебя, а ты – для завтрака. Я накрою на стол.

Войдя, мисс Петтигрю огляделась. Вполне современная кухня. Кафель на стенах, холодильник, электрическая плита, полки ломятся от продуктов. «Но боже, как неаккуратно, – отметила она. – И как неряшливо. Определенно, здесь раньше работала какая-то... ветреница».

Она сняла пальто и шляпку и принялась за дело. Вскоре воздух наполнился блаженным ароматом яичницы с ветчиной и свежего кофе. Она также обнаружила электрический тостер, и ломтики поджаренного хлеба улеглись на положенное им место. Мисс Петтигрю вышла в комнату.

– Готово, мисс Лафосс.

Мисс Лафосс засияла улыбкой благодарности. Она успела причесаться и подкрасить губы, а тонкий слой пудры позволил ее лицу расцвести еще полнее. Она, впрочем, так и не сняла шелковый пеньюар и выглядела столь невыносимо очаровательной, что мисс Петтигрю подумала: «Неудивительно, что Фил звал ее обратно в постель». Эта мысль немедленно залила ее болезненной, мучительной краской глубочайшего стыда – просто потому, что осмелилась возникнуть на краю ее целомудренного сознания. А вслед за ней пришла другая: «*Мисс Лафосс. Как же так?*»

– Ну вот, – озабоченно сказала мисс Лафосс. – Теперь вы покраснели. Я знаю, это все горячая плита. Потому-то я и не пристала к этому ремеслу. Цвет лица страдает просто *невыносимо*. Ах, мне так неловко!

– Ничего страшного, – покорно ответила мисс Петтигрю. – Я уже в том возрасте, когда... когда не имеет смысла заботиться о цвете лица.

– Не имеет смысла? – удивленно воскликнула мисс Лафосс. – Цвет лица имеет смысл *всегда!*

В комнату вошел Фил, уже одетый. Пальцы его были унижены множеством перстней с блестящими камнями. Мисс Петтигрю незаметно покачала головой. «В дурном вкусе, – подумала она. – Порядочные мужчины столько колец не носят».

– Ага! – вскричал Фил. – Мой нос чует завтрак, а мой желудок говорит: «Подайте его сюда!» Вот настоящая женщина!

Мисс Петтигрю счастливо улыбнулась.

– Надеюсь, вы найдете его удовлетворительным.

– Даже не сомневаюсь. Хозяйка этого дома – бесполезная вертихвостка, но она хотя бы завела себе полезных подружек.

Он дружелюбно подмигнул, и Мисс Петтигрю внезапно, ясно и недвусмысленно призналась себе, что он ей нравится.

«Да, – строго обратилась она к той половине себя, которая протестовала против таких вольностей. – Вот так. Нравится, и все. Он, конечно, человек... не очень деликатный. Но ему неважно, что у меня нет денег и красивых платьев. Он видит перед собой женщину, и ведет себя с ней в соответствии со своими представлениями о приличии».

Возможно, все дело было в том, что он разительно отличался от всех мужчин, с которыми она до сих пор встречалась. Не джентльмен, ни в коем случае, но его небрежные любезности неожиданно вызвали в ней теплое, почти уютное чувство – в отличие от безукоризненной ледяной вежливости, всю жизнь выпадавшей на ее долю.

Мисс Лафосс обратилась к ней:

– Я накрыла и вам тоже. Даже если вы уже завтракали, сейчас самое время для чашечки кофе.

– О! – сказала мисс Петтигрю. – Как это... невероятно мило с вашей стороны.

Ей захотелось расплакаться, но она сдержалась. Вместо этого она решительно подняла голову и сказала тоном, не допускающим возражений:

– Прошу вас, садитесь. Я сейчас подам завтрак. Все стынет.

Фил в самом деле ел с удовольствием. Он неторопливо расправился с грейпфрутом, яичницей, хлебом, джемом. Потом сыто откинулся на спинку стула и извлек из кармана пачку дешевых сигарок.

– Чертовски извиняюсь, – обратился он к мисс Петтигрю. – Сигарету предложить не могу, как нарочно с собой нет. Вечно собираюсь взять, и вечно забываю.

Мисс Петтигрю встрепелась и приятно порозовела. Возможно, не такая уж она и старая развалина, если мужчина считает возможным предложить ей закурить?

– Опять ты куришь эту гадость, – проворчала мисс Лафосс. – Не выношу их запаха.

– Привычка, – виновато сказал Фил. – Начал их покупать, когда настоящие сигары были не по карману, а теперь сигар и не хочется.

– Что ж, о вкусах не спорят, – примирительно заметила мисс Лафосс.

В течение всего завтрака обостренное женское чутье мисс Петтигрю сигнализировало ей, что хозяйка находится в состоянии крайнего возбуждения, которое она пытается скрыть за непринужденной улыбкой. Внезапно мисс Лафосс вскочила и бросилась на кухню.

– Кофе, мне нужен еще кофе!

Мисс Петтигрю проводила ее взглядом и заметила, что на пороге мисс Лафосс остановилась и сделала в ее сторону взволнованный призывный жест.

Мисс Петтигрю сложно было назвать опытной актрисой, но этот эпизод она отыграла блестяще. Она поднялась из-за стола, и в голосе ее прозвучало точно выверенное ироническое терпение.

– Придется уж мне. Она вполне способна половину вылить на себя.

На кухне мисс Лафосс взволнованно схватила ее за руку.

– Выставьте его. О боже! Что же делать! Прошу, избавьтесь от него немедленно. Только чтобы он ничего не заподозрил. У вас это получится. У вас все получается. Умоляю, выставьте его!

Она заламывала руки, ее милое личико смертельно побледнело. На кухне сгущались тучи. Пытаться противостоять напору мисс Лафосс было бесполезно, и вдвойне бесполезно для мисс Петтигрю, с ее отзывчивым сердцем. Она полностью отдалась состраданию и симпатии, слабо понимая при этом по отношению к чему. И вместе с тем, за фасадом услужливости, мисс Петтигрю виновато призналась себе, что испытывает также невероятно упоительный, безграничный восторг. «Вот, – подумала она, – вот что такое *жизнь*. До этого момента я просто не жила».

Однако одной жалостью тут было не обойтись. Прелестное дитя ожидало от нее действий. Никогда в жизни мисс Петтигрю не оказывалась в ситуации, требующей такой тонкой работы.

Она лихорадочно цеплялась в уме то за одно, то за другое обстоятельство прежней жизни. Какой опыт мог бы пригодиться ей в эту минуту? Может быть, когда она служила у миссис Мортелман в Голдерс-Грин, с этим ее невыносимым супругом, с которым миссис Мортелман так ловко управлялась? А если... Мисс Петтигрю неожиданно почувствовала, как ее заполняет изнутри удивительная, уверенная сила. Прекрасная незнакомка верит в нее, и эту веру она не предаст. Мисс Петтигрю превратится на время в миссис Мортелман.

– Ни разу в жизни, – сказала мисс Петтигрю, – я не лгала, да и преувеличивала нечасто, но надо же когда-то начинать.

– Но он не должен догадаться, что я хочу, чтобы он ушел. Вы точно знаете, что он не догадается?

– Он не догадается.

Мисс Лафосс забросила руки на шею мисс Петтигрю и звонко ее поцеловала.

– Вы ангел! Как же я могу вас отблагодарить? Спасибо, спасибо вам... Но вы уверены, что справитесь?

– Положитесь на меня.

Мисс Лафосс направилась к двери. Мисс Петтигрю мягко, спокойно и уверенно упрекнула ее:

– Вы забыли кофе.

Она наполнила кофейник, повернулась и вышла в комнату. Сердце трепетало в ее груди, щеки пылали, ноги подламывались от волнения, но никогда в жизни она не ощущала себя настолько живой. С ней наконец-то что-то происходило. Мисс Лафосс робко шла вслед за ней.

Мисс Петтигрю села, налила кофе себе и мисс Лафосс и принялась ждать. Чудесное чувство уверенности не покидало ее. Фил уже завершил трапезу. Наконец мисс Петтигрю заговорила, наклонившись слегка вперед, с легкой, обаятельной полуулыбкой:

– Молодой человек, я женщина занятая, и нам с мисс Лафосс необходимо обсудить разнообразные обстоятельства. Смею ли я надеяться, что вы не сочтете меня излишне негостеприимной, если я попрошу вас оставить нас наедине?

– Какие еще обстоятельства?

Мисс Петтигрю приняла бой.

– Ну, – сказала она негромко, но решительно. – Определенные детали... женского туалета...

– А, это. Это я знаю.

– Возможно, понаслышке, – сказала мисс Петтигрю голосом, полным достоинства. – В то время как мы собираемся устроить примерку.

– Вот и повод узнать поближе.

– Вам угодно шутить, – строго заметила мисс Петтигрю.

– Ну, ладно уж, – сдался Фил. – Подожду в спальне.

Мисс Петтигрю, слегка позабавленная, покачала головой.

– Как пожелаете... Сомневаюсь, впрочем, что час, проведенный в холодной спальне, вас обрадует.

– Нельзя же столько времени обсуждать нижнее белье!

– Существуют и другие подробности.

– И что же, мне и послушать нельзя?

– Определенно нет, – отрезала мисс Петтигрю.

– Почему вдруг? Опасаетесь за мою нравственность?

Мисс Петтигрю поднялась со стула и оскорбленно выпрямилась.

– Молодой человек, – сказала она, – я – дочь священника.

– Ну окей, окей. Сдаюсь. Придется уматывать.

«Вот так второсортная американская кинопродукция способствует засорению языка», – строго подумала мисс Петтигрю.

Она сама подала ему пальто. Все это время на лице мисс Лафосс сохранялось выражение легкой отстраненности, как будто ей было все равно, уйдет он или останется, и она просто не хотела вступать в пререкания со строгой матроной. А один раз, думая, что мисс Петтигрю не видит, она даже подмигнула ему. Мисс Петтигрю видела прекрасно, и ее новообетенная вольнодумная половина вполне оценила этот тонкий штрих, так удачно вписавшийся в общую картину их заговора.

– Что ж, до встречи, детка, – сказал Фил. – До скорой встречи.

Он обнял мисс Лафосс и поцеловал ее, словно ему не было никакого дела, наблюдает ли за ними мисс Петтигрю или нет. Вернее, ему действительно не было никакого дела. Мисс Петтигрю нашарила стул и присела. Ее прежней, целомудренной половине приходилось нелегко.

«Целоваться... В моем присутствии. Да еще... столь страстно. Просто распушенность».

Но ее женское сердце предательски наслаждалось выражением неприкрытого удовольствия, написанного на лице мисс Лафосс. И несмотря на явно опьяняющее действие, вызванное ответной страстью мисс Лафосс, Фил тем не менее не забыл, с неизменной вежливостью, попрощаться и с ней тоже.

Последний поцелуй для мисс Лафосс, последняя любезность для мисс Петтигрю, и Фил вышел за дверь.

Глава вторая 11:11–11:35

И не успела входная дверь закрыться за уходящим Филом, как в душе мисс Петтигрю захлопнулась дверь, в щель которой она подглядывала за волнующим миром, полным приключений, любви и радости. На нее снова навалилась усталость, ею снова овладели чувства смятения и беспомощности. Мгновение ей позволено было наблюдать за чужой любовью, но ей самой такая роскошь была заказана. Ежедневные, повседневные страхи и заботы захлестнули ее. Она была всего лишь просительницей, а мисс Лафосс – ее возможным работодателем. Кто такой Фил, чем он занимается, да даже какая у него фамилия – она никогда не узнает, как не узнает и то, почему мисс Лафосс столь страстно стремилась как можно скорее от него избавиться, несмотря на то, что его поцелуи ей столь явно нравились.

Мисс Петтигрю дрожащими пальцами поправила выбившийся локон и приготовилась к привычной попытке – необходимости защищать свои скудные способности.

– Итак, насчет... – начала она, как ей хотелось думать, строго и твердо.

Мисс Лафосс развернулась к ней и схватила обе ее руки.

– Вы спасли мне жизнь. О, как же я могу вас отблагодарить? Нет, больше, чем спасли жизнь. Вы взяли верх над обстоятельствами! Если бы не вы, все бы пропало. Сама я никогда не смогла бы его вытолкать. Я ваш вечный должник.

В голове мисс Петтигрю крутились обрывки строгих отцовских наказов; она ухватилась за тот из них, который гласил: «Не упускай возможность, когда она стучится в дверь». Собрав последние остатки храбрости, она робко заговорила:

– Что ж, в таком случае вы могли бы...

Но мисс Лафосс не слушала. Она заговорила сама, страстно и настойчиво, и на лице ее мисс Петтигрю различила тень виноватой улыбки, будто она осознавала, что просит невозможного, но рассчитывала хотя бы на сочувственное понимание.

– Трепещет ли ваше сердце? – спросила мисс Лафосс. – Не отказывает ли вам зрение?

Сердце мисс Петтигрю именно что трепетало, но в голову ей пришла мысль: «Единожды солгав, кто тебя остановит?»

– Мое сердце не трепещет, – ответила она. – И мое зрение нисколько не отказывает.

– А! – сказала мисс Лафосс с явным облегчением. – Я не ошиблась, вас так просто не сбить с толку. Мое зрение сейчас как в тумане, я слишком взволнована. Знаете, как в детективных романах обычно – все чисто убрано, или по крайней мере герои так думают, а потом приходит сыщик, заглядывает во все углы и находит что-нибудь, оставленную трубку, например, или изучает состав пепла и говорит: «Ага! Скажите, мисс, это вы недавно выкурили тут сигару?» И все, конец.

– Понятно, – сказала мисс Петтигрю, хотя ей было не понятно, а скорее наоборот. Ее воображение нарисовало ей картину: армия полицейских, сыщиков и детективов, чередой входящих в дверь квартиры мисс Лафосс.

– Да нет же, я еще ничего не объяснила. Дело в том, что сегодня утром может зайти Ник. Вернее, я совершенно уверена, что он зайдет, только чтобы меня подловить. Он ревнив до крайности.

И она посмотрела на мисс Петтигрю с выражением, говорящим: «Что ж, теперь я во всем призналась. Я полностью в вашей власти, но знаю, что вы меня не подведете».

Мисс Петтигрю храбро попыталась удержаться на плаву в незнакомом бурном океане.

– Вы хотите сказать, что сегодня утром здесь будет *еще один* молодой человек?

– Именно, – сказала мисс Лафосс с облегчением. – Я так и знала, что вы все поймете. Прошу, уберите все, что можно заметить, полностью, каждую мелочь, до последнего волоска, – все, что могло бы сказать, что здесь уже побывал *другой* мужчина.

Волны уже перекатывались над головой мисс Петтигрю, но ей удалось дрогнувшим голосом заметить:

– Наиболее безопасным методом было бы не впускать его.

– А, да. Но этого я никак не могу сделать.

– Почему же? – удивленно осведомилась мисс Петтигрю.

– Я его, в общем, боюсь, – сказала мисс Лафосс.

– Тогда, – сказала мисс Петтигрю храбро, – если вы этого молодого человека боитесь, я открою дверь вместо вас и строго объясню, что вы не принимаете.

– Боже мой! – заломила руки мисс Лафосс. – Но он, возможно, и не станет звонить или стучать. Дело в том, что у него есть ключ. Он откроет дверь и войдет. Но это неважно, я бы все равно не смогла его не впустить, ведь это он платит за квартиру. Так что тут еще это обстоятельство.

– Понятно, – тихо повторила мисс Петтигрю.

Теперь ей и в самом деле было понятно. Ею овладело желание подобрать пальто и шляпку, гордо задрать подбородок и выйти за дверь с выражением оскорбленной гордости на лице. Но вместо этого она услышала, как ее собственный голос слабо предложил:

– Но тогда, быть может... быть может, не стоило приглашать того, другого джентльмена?

– Ах! – вздохнула мисс Лафосс. – Все так сложно. До вчерашнего вечера я не знала, что Ник собирается прийти, и даже тогда узнала только случайно. Мне он сказал, что возвращается завтра. Он уезжал, понимаете? Мне кажется, он... он меня в чем-то подозревает. Ну вот, так что когда Фил сказал, что придет, я согласилась. А потом узнала, что Ник вернулся, но Филу уже не могла отказать, разве что получилось придумать какое-нибудь железное оправдание, а с этим у меня всегда плохо. И ни в коем случае он не должен был ничего заподозрить. Он-то про Ника ничего не знает. Фил собирается финансировать мою новую программу. Понимаете?

– Да, – подтвердила мисс Петтигрю.

В ее груди теснились удивление, осуждение и возбуждение, но сильнее всего в тот момент она ощущала пронизывающую радость. Да, именно радость. К чему притворяться? Вот она – жизнь. Драматичная. Увлекательная. Внезапная. Жизнь другой, лучшей половины человечества.

– Помогите же мне, – умоляющим голосом произнесла мисс Лафосс. – Вы видите, это вопрос жизни и смерти. Вы ведь справитесь?

Мисс Петтигрю замерла. В ней происходила жестокая внутренняя борьба. «Благодетель превыше всего, – любил повторять отец. – Грешника избегай. Грешника отвергай». Ее целомудренное воспитание, ее привычная мораль старой девы – все призывало ее воздечь в возмущении руки. Но ее останавливало накрытое для нее место за столом, чашка с кофе, толстые ломти поджаренного хлеба с маслом на тарелке – ах, знала бы мисс Лафосс, что до них ни капли и ни крошки не побывало еще сегодня во рту мисс Петтигрю.

– Позволю себе повторить: глаза у меня в полном порядке, – заметила она.

Для того чтобы стереть все следы недавнего пребывания мужчины в спальне и прилегающей к ней ванной, ей понадобилось совсем немного времени. Когда она снова вышла в гостиную, она застала мисс Лафосс отдыхающей в кресле перед электрическим камином. За это время та успела убрать посуду, оставшуюся от завтрака, но так и не сменила тот очаровательный пеньюар, в котором выглядела Цирцеей, решивший сменить гнев на милость.

«Ну, – подумала несчастная мисс Петтигрю, – теперь все же к делу. Дальше откладывать невозможно». В глазах у нее неожиданно защищало, хотя ей было хорошо известно, что от слез толку мало.

«Боже мой! – пришла внезапная мысль. – Как же я устала, как же я невероятно устала – все время „к делу“, все время жить в чужих домах, все время зависеть от чьей-то милости».

Она медленно пересекла комнату, держась прямо и гордо, и опустилась на край удобного стула напротив мисс Лафосс. Руки она сложила на коленях и крепко сжала. Теперь ей казалось, что, быть может, мисс Лафосс и в самом деле припрятала где-нибудь парочку непослушных детей, но зато она начала сомневаться, что выказанная ею столь поспешно готовность принимать участие в обмане хорошо зарекомендовала ее перед их матерью. Когда дело касалось детей, матери могли вести себя весьма странно. И что было позволено Юпитеру, вовсе не дозволялось быку.

– Что же касается... – начала мисс Петтигрю.

Мисс Лафосс с готовностью обернулась к ней.

– Что-то не так?

– Ни в коей мере, – сказала мисс Петтигрю. – Беспокоиться не о чем.

– Ах, вы просто прелесть!

Мисс Лафосс наклонилась к мисс Петтигрю и неожиданно поцеловала ее. На сложенные руки упала капля воды – и еще две торопились вниз по щекам мисс Петтигрю.

– В мою сторону, – сказала она в попытке оправдаться, – редко были направлены... сильные чувства.

– Бедняжка, – мягко сказала мисс Лафосс. – В мою их всегда направлялось предостаточно.

– Я рада, – сказала мисс Петтигрю.

Мисс Лафосс тактично не обратила внимания на ее слезы.

– Так вот, – начала снова мисс Петтигрю.

– Только потому, что вы так прекрасно меня понимаете, – немедленно перебила ее мисс Лафосс. – Я сразу это почувствовала. Первое впечатление меня никогда не обманывает. Вот, подумала я, эта женщина никогда не подведет.

– Разумеется, – сказала мисс Петтигрю.

– Вот видите! Я ужасно виновата, я и так уже отняла у вас столько времени, но все же, не могли бы вы еще ненадолго остаться? Потому что Ник может появиться с минуты на минуту. Я была бы вам так благодарна!

– Остаться... – слабым голосом повторила мисс Петтигрю.

– Ну пожалуйста? – умоляюще сказала мисс Лафосс.

– Ну... если я могла бы быть еще чем-то полезна...

– Видите ли, Ник – опасный человек. Вот почему так важно, чтобы он не узнал про Филя. У него больше денег, чем у Филя. Больше влияния. И ему ничего не стоит устроить что-нибудь, что на Филе очень плохо отразится. Я не могу этого позволить. Это было бы совершенно нечестно. В конце концов, это моя вина. Фил вкладывается в мою новую программу. А Ник не хочет, он слишком ревнив. Пальцем о палец не ударит, чтобы помочь моей карьере. Чувства – это хорошо, конечно, но надо же и о карьере подумать. Понимаете, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Ник сделал Филу что-то плохое.

– Да, – согласилась мисс Петтигрю. – В самом деле.

– Я все знаю, Ник действительно неприятный тип, но когда он рядом, я сама не своя. Я пыталась, честно. Его не было три недели, и я прекрасно справлялась, и даже подумала – вот он, мой шанс от него избавиться, теперь или никогда. Поэтому мне так нужно, чтобы вы остались. Стоит мне оказаться с ним наедине, и все потеряно. И когда я дрогну – а я обязательно дрогну, – вы должны устоять.

Мисс Петтигрю перестала думать о первоначальной цели своего визита. Впервые за последние двадцать лет кому-то понадобилась она сама, а не ее скудные способности к обучению детей. Впервые за двадцать лет она была человеком, женщиной, а не заводной игрушкой.

Опьяненная доверием, она готова была простить мисс Лафосс и куда более страшные грехи, чем... позволить влюбиться в себя двум молодым людям одновременно. Да, не более того. Теперь голос ее звучал предостерегающе, хотя и слегка неуверенно.

– Не могу сказать, что часто давала советы в подобных ситуациях, – сказала она, – но я все же значительно старше вас и почти гожусь вам в матери. То, что вы боитесь этого другого молодого человека, полагаю, облегчит разрыв с ним. Ведь не станет же он угрожать *вам*. Просто помните об этом.

– Я знаю, – грустно сказала мисс Лафосс. – Но вы все же не до конца меня поняли.

– Мне всегда казалось, что я достаточно восприимчива, – неуверенно сказала мисс Петтигрю.

– Разумеется, – согласилась мисс Лафосс. – Я не сомневаюсь, еще немного, и вы поймете. Она наклонилась ближе.

– Знакомо ли вам это странное ощущение в груди, когда мужчина вас целует?

«Мне кажется, – метнулась мысль в голове у мисс Петтигрю, – я читала, что где-то в груди есть орган, реагирующий на лобзания. Или это в животе? Впрочем, неважно. Главное – ее успокоить».

– Не стоит отчаиваться, – слабо сказала она. – Насколько мне известно, ученые установили, что...

– Я и не отчаиваюсь, – перебила мисс Лафосс. – Я наслаждаюсь. В этом-то и дело. Мне от него не уйти. Он только смотрит на меня, и я уже таю и расплываюсь.

– Твердость духа... – с сомнением начала мисс Петтигрю.

– Я как кролик, а он – змея. Когда змея направляет взгляд на кролика, тот теряет волю. И никуда не движется. Ему не хочется двигаться, хотя он и знает, что это означает неминуемую смерть.

– Смерть!

– Или что-нибудь похуже, – подтвердила мисс Лафосс.

Она порывисто встала, вышла в спальню, вернулась с небольшим свертком, раскрыла его и поместила на колени мисс Петтигрю.

– Знаете, что это?

– С виду, – сказала осторожно мисс Петтигрю, – похоже на порошок от головы. Насколько я знаю, хорошо помогает также при болях в желудке и ревматизме.

– Кокаин, – сказала мисс Лафосс.

– О боже! Нет!

Мисс Петтигрю уставилась на невинно выглядящий порошок с ужасом, трепетом и восторгом. Белые рабыни, притоны адского разврата, красный плюш и мужчины с подозрительными черными усиками пронеслись безумным вихрем у нее в голове. Она оказалась в логове порока! Скорее, бежать, пока ее честь еще не затронута! Немедленно, впрочем, голос рассудка напомнил ей, что теперь уже вряд ли кому-нибудь придет в голову покуситься на эту драгоценность. Спасать нужно было не себя, а мисс Лафосс. И она ее спасет! Она вскочила, помчалась на кухню, опорожнила сверток в раковину и вернулась, сияя.

– Вот так! – сказала она запыхавшись. – Этот соблазн вам более недоступен. Но скажите, умоляю: неужели вы... позволили себе Пасть Жертвой Привычки?

– Нет, – сказала мисс Лафосс. – Даже не трогала. Майкл заметил бы. Мимо него и муха не пролетит. Если бы он узнал, вышиб бы из меня дух. В один прекрасный день и вышибет, не сомневаюсь. А потом найдет того, кто меня снабжает, и пришьет и его тоже.

– Майкл, – сказала мисс Петтигрю умирающим голосом. – Неужели *еще один* молодой человек?

– Да нет же, – торопливо ответила мисс Лафосс. – Скорее наоборот.

Она уставилась в огонь.

– Майкл, – пояснила она мрачно, – хочет на мне жениться.

– А!

– За этими мужчинами глаз да глаз, – добавила мисс Лафосс. – Иначе обернуться не успеешь, как уже стоишь перед алтарем. И тогда что?

С громким треском рухнули самые сокровенные убеждения мисс Петтигрю; вместе с ними рассеялось в прах ее наивное представление, что только мужчины стремятся избежать брачных уз; испарилось ее прежнее добропорядочное мировоззрение. «Я жила жизнью затворницы, – подумала она, – а за это время представительницы моего пола ушли далеко вперед. Пора наконец их догонять».

Она должна была бы сказать: «Но, дорогая, любовь порядочного мужчины – это сокровище», но вместо этого крепко сжала зубы. Нет. Женщина – это звучит гордо. Какой глупостью казалась ей теперь собственная решимость спасти мисс Лафосс! Мисс Петтигрю села прямее.

– Вы попали в точку, детка, – сказала она спокойно, уверенно и радостно.

– Что?!

– Американский жаргон, – пояснила мисс Петтигрю. – Это выражение я слышала в кино.

– Хм.

– Я так давно мечтала использовать жаргон. Изредка. Выпустить пар, так сказать. Но никогда не могла себе позволить. Вы же понимаете, когда рядом все время дети... Они могут слышать.

– Разумеется, – сказала мисс Лафосс озадаченно.

– Я рада, что вы понимаете.

– А я рада, что вы поняли ситуацию между мной и Ником.

– Конечно же, – сказала мисс Петтигрю, подняв голову. – Он порочен, красив и загадочен, – продолжила она ясным голосом. – Вокруг него жизнь полна опасностей и приключений.

– Да!

– В то время как этот добропорядочный молодой человек, Майкл, который хочет взять вас в жены, исполнен достоинств, но скучен. В нем отсутствует огонь, у него нет воображения. Он не вышибет из вас дух, он его просто задавит. Вам нужна жизнь в цвете, в музыке. Он же предлагает... домик в пригороде.

Мисс Лафосс бросила на нее быстрый взгляд из-под ресниц.

– Ну... – начала она виновато. – Этого я точно не знаю...

– Я тоже. Я всего лишь предполагаю. Давать вам совет с моей стороны было бы по меньшей мере дерзко. Свою собственную жизнь я провалила, так что не мне советовать.

– О, – сказала мисс Лафосс и замолчала.

– Вы так прелестны в этом... одеянии, – робко сказала мисс Петтигрю. – Я вполне понимаю *всех* молодых людей, влюбившихся в вас. Знаете, дорогая, мне кажется, с выбором своего будущего вам можно пока не спешить.

Мисс Лафосс наклонилась вперед, и на ее милых губах заиграла улыбка.

– В самом деле? Я нарочно не стала его снимать. Мне кажется, есть что-то, так сказать, особенное в пеньюаре, вы не находите? Иначе с мужчинами по утрам просто невозможно иметь дела.

Вспомнив свой ужасающий опыт работы в доме, где старшая дочь была на выданье, мисс Петтигрю понимающе кивнула.

– Некоторая... соблазнительная привлекательность, – сказала она, покраснев за выбранное прилагательное. – Устоять перед ней непросто.

– Вот видите, вы все прекрасно поняли, – сказала мисс Лафосс.

Мисс Петтигрю вдруг вспомнила о предмете разговора и тихо ахнула.

– Мисс Лафосс! Вы уже дрогнули! Ни в коем случае. Никакой привлекательности. Вы должны быть одеты как можно проще. Перед вами стоит задача его от себя отвратить!

– Я знаю, – виновато призналась мисс Лафосс. – Я просто не могу...

Раздался негромкий звук – кто-то осторожно вкладывал ключ в замок. Женщины испуганно переглянулись, и тут мисс Петтигрю посчастливилось стать зрительницей выдающегося представления. Мисс Лафосс откинулась на спинку кресла.

– А мне всегда казалось, – сказала она мягким, томным голосом, – что лучше всего мне подходит синее. Подчеркивает цвет глаз.

Дверь открылась и снова закрылась. Мисс Петтигрю восхищенно наблюдала, как одна безукоризненно сыгранная эмоция сменяла другую на лице мисс Лафосс: удивление, недоверие и, наконец, счастье. Она вскочила и бросилась через комнату с распростертыми руками.

– Ах! Ник! – вскричала мисс Лафосс.

Мисс Петтигрю поспешно отвела глаза.

«Ну вот, – подумала она. – Снова... И снова напоказ. О боже! А я-то думала, что это в фильмах поцелуи выглядят преувеличенно страстно».

Глава третья

11:35–12:52

Мисс Лафосс наконец освободилась из объятий вошедшего, и мисс Петтигрю смогла его рассмотреть. Грациозный, гибкий, прекрасного сложения. Черты лица яркие, немного диковатые, но безукоризненно гармоничные. Блестящие темно-синие пронизательные глаза; чудесно вылепленные губы, и над ними – черные усики, придающие ему вид одновременно утонченный и слегка порочный, что только добавляло ему привлекательности. В выражении его было что-то хищное; личность явно неординарная и притягательная.

Мисс Петтигрю медленно встала, чувствуя себя странно беспомощной. Теперь она действительно поняла, в какой зависимости оказалась мисс Лафосс. Достаточно было одного взгляда. Она встречала этот взгляд десятки раз, в десятках кинолент: манящий, роковой, уверенный в собственной силе – и непередаваемо безразличный, как только момент увлечения пройдет. Десятки героинь были ввергнуты в пучины отчаяния подобными взглядами. Но для мисс Лафосс не нашлось героя, который должен был спасти.

«Странно, – подумала мисс Петтигрю. – О таких мужчинах можно читать. На них можно смотреть в кино. Известно, что в жизни они никогда не встречаются. Однако – вот доказательство, что они все же существуют».

Мисс Лафосс сделала шаг назад. Выражение блаженства, как у кошки, которой предложили сливки, подернулось на ее лице испугом. Ник заметил мисс Петтигрю, потемнел и метнул в мисс Лафосс еще один взгляд – на этот раз пыливый и рассерженный.

– А! – поспешно сказала мисс Лафосс. – Моя подруга. Подруга... Алиса.

Собравшись с духом, она произвела более формальное представление.

– Алиса, это Ник. Ник, познакомься, это Алиса.

– Очень приятно, – вежливо откликнулась мисс Петтигрю.

– Приятно, – буркнул Ник.

Он скользнул по ней глазами, и мисс Петтигрю резко ощутила и свой возраст, и неловкость фигуры, и жидкие волосы, и нездоровый цвет лица, и скудность платья. Она болезненно покраснела. Ее разум бунтовал против этого человека; ее чувства находились у него в плену.

Дело было не только во внешнем виде. Вид был всего лишь дополнением, полезным, но необязательным. Главная тайна была внутри. Только войдя, он уже заполнил всю комнату своим присутствием. Сколько бы женщин ни находилось здесь, все они оказались бы сейчас вовлечены в соперничество за его внимание. От него волнами исходил вызов всякой женственности. Мисс Петтигрю это осознавала, но помимо своей воли стремилась на него ответить. Презираемая ею чувственность теперь мстила ей. Она не колеблясь отдала бы десять лет своей жизни, только чтобы он поцеловал *ее* так, как только что целовал мисс Лафосс. Она почти готова была ненавидеть мисс Лафосс – за ее молодость, ее красоту, ее обаяние. Длилось это, впрочем, недолго. Разум взял верх.

В нем таилась опасность. Даже если бы мисс Лафосс не рассказала ей о нем, эту опасность невозможно было не ощущать. И как раз опасность и добавляла ему привлекательности. Мисс Петтигрю вполне понимала, как легкая перчинка порока могла перебить пресную добродетель.

«Ох, – подумала она. – Что же делать с такими мужчинами. Да, они порочны, и что с того? Добродетельным против них все равно не вытянуть. Не состоял бы этот Майкл из порядочности и здравого смысла, может, у него и был бы шанс, но куда ему тягаться с этим? Нет, мы, женщины, иначе не можем. В делах любовных мы безнадежные авантюристки».

Мисс Петтигрю вздохнула. Тут придется потрудиться. Она уже не думала о том, что в любую минуту могла быть без объяснений выставлена за дверь. Трудности мисс Лафосс были теперь ее трудностями, как будто она знала ее всю жизнь.

Мисс Лафосс озабоченно переводила взгляд с одного из своих гостей на другого. Улыбка ее потеряла уверенность и была теперь слегка нервной, слегка умоляющей улыбкой женщины, сомневающейся в своей власти над мужчиной.

– Проходи же, садись, – обратилась она к Нику.

«Нет, милая, – подумала мисс Петтигрю. – Раньше было гораздо лучше. Такое... царственное безразличие. Единственный способ добиться от подобных уважения. Стоит этому зверю почуять слабинку, и он проглотит тебя целиком».

Она сама поразилась глубине своей житейской мудрости. Она, оказывается, сознательно называла его у себя в мыслях животным, выскочкой, плутом – пытаюсь спастись таким образом от его чар. Но если бы он хотя бы раз посмотрел на нее так, как смотрел на мисс Лафосс, – она была бы у его ног.

«Кто бы мог подумать, – беспокоило размышляла мисс Петтигрю. – В мои-то годы. Какая глупость. Как будто неясно, что я для него – надоедливая старая перечница, и все, что ему от меня нужно, – это чтобы я скорее убралась отсюда».

В самом деле, казалось, что воздух вокруг Ника был заряжен злостью, вызванной ее присутствием. Его ревность заставила его ожидать, что у мисс Лафосс будет компания, но он никак не мог себе представить, что в качестве компании он найдет какую-то мисс Петтигрю. «Эта кошелка, похоже, обосновалась тут надолго», – мисс Петтигрю почти почувствовала эту его мысль. Ее внезапно одолели привычные самоуничтожительные сомнения.

«А может быть, в самом деле уйти? – испуганно подумала она. – В конце концов, я здесь незваный гость. Наверное, даже мисс Лафосс думает, что я сую нос не в свое дело. А когда она просила меня остаться, она просто предположила, что у меня будет достаточно такта, чтобы уйти самой».

Ее бросило одновременно и в жар, и в дрожь. Пьянящее чувство уверенности испарилось. Она снова была всего лишь мисс Петтигрю, неумелой гувернанткой – беспомощной и бесполезной. Она ухватилась за спинку стула и взглянула на мисс Лафосс.

В ответ та послала ей сияющую, дружественную, ободряющую улыбку.

В одно мгновение мисс Петтигрю была полностью излечена: неуязвима для его презрения, неуязвима для его чар. Пусть он рассыплет перед ней в любезностях, она останется твердой. Пусть, напротив, осыплет ее грубостями (а он, если его довести, может быть невероятно грубым, решила она), они ее не заденут. Она имела право быть там, где она была, и никуда отсюда не собиралась. Прогнать ее могла только мисс Лафосс.

Мисс Петтигрю снова обосновалась на стуле – спокойная, уверенная, собранная, невозмутимая.

Ник уставился на нее, наткнулся на непроницаемую стену безразличия и повернулся к мисс Лафосс.

– Я предполагал, что мы будем одни.

Мисс Лафосс вздрогнула.

– Но ты же обещал завтра, – жалобно сказала она. – Я точно помню.

– Да, но я протолкнул все дела на день раньше, и сразу же сюда. Разве ты не рада, что я вернулся скорее?

– Конечно, я рада, милый, – сказала мисс Лафосс и снова раскрыла объятия. – Я ужасно соскучилась. Мне даже начало казаться, что ты уехал насовсем.

«Начало проиграно, – беспокоило подумала мисс Петтигрю. – Подобное приветствие совсем не подходит для того, чтобы перейти в расставание».

Ник сменил гнев на милость. Он быстро поцеловал мисс Лафосс, скорее как обещание на будущее, и посмотрел на нее с пониманием. Разумеется, она не могла грубить старухе, но его-то от этого ничто не останавливало. Он отодвинул ее от себя и сделал шаг в сторону мисс Петтигрю.

– Я, кажется, упустил фамилию, – сказал он издевательски.

Ответным ходом мисс Петтигрю было облачиться в мантию миссис Джекаман, четырьмя работодательницами раньше. Ее поразительное спокойствие в ответ на оскорбления своего отвратительного муженька не раз приводило к тому, что он с богохульством на устах покидал дом, оставляя ее на время в покое.

– Петтигрю, – подсказала мисс Петтигрю. – Нечасто встречается, верно? Как говаривал мой дорогой отец...

– Так редко, что стоило бы ее чаще проветривать.

– О, – грустно призналась мисс Петтигрю, – путешественница из меня никудышная. Помню, как-то...

– Я три недели не был дома, – перебил Ник, медленно раскаляясь.

– Вот как? Надеюсь, вы приятно провели время, – сказала мисс Петтигрю дружелюбно. – И куда же лежит ваш дальнейший путь? Боюсь, погода здесь не способствует отдыху.

– Мне нужно сообщить кое-что мисс Лафосс, – сказал Ник злобно.

– Ваше письмо не дошло вовремя? Я совершенно согласна, почта в последнее время никуда не годится. Но с другой стороны, эти телефоны так удобны, что я и представить себе не могу, что бы мы делали...

– Я думал, что нам никто не будет мешать, – сказал Ник, сдерживаясь с огромным трудом.

– Какое совпадение! И я думала в точности о том же. Я так обрадовалась, когда обнаружила, что мисс Лафосс свободна сегодня. Признаюсь, нам давно не хватало хорошего, долгого разговора. Впрочем, с вашей стороны очень мило заскочить на минутку по пути.

Ник побагровел. Мисс Лафосс отстранилась, готовясь к взрыву.

– Ее друзья обычно наделены тактом, – заметил Ник ядовито, последним отчаянным усилием пытаясь направить ситуацию к мирному разрешению.

– Ну что вы, – миролюбиво сказала мисс Петтигрю. – Я в вас и не сомневалась. Я рада, что все уладилось, и мы можем продолжать. Как только я вас увидела, сразу же решила – такой галантный и...

– Да мне наплевать, что вы там решили! Уберетесь вы наконец?

– Нет, – сказала мисс Петтигрю.

– Ах ты!!!...???...!!!

– О! – воскликнула мисс Петтигрю.

Мисс Лафосс подалась вперед, бросив испуганный взгляд сначала на окаменевшую мисс Петтигрю, а потом на бушующего Ника.

– Ник, милый, присядь, пожалуйста.

Ник не сопротивлялся. Она сняла с него пальто, притянула к дивану и села рядом с ним. Ник еще раз посмотрел на мисс Петтигрю, пожал плечами и, казалось, забыл о ее существовании. Как и ожидала мисс Лафосс, пеньюар действовал на него благотворно.

«Что ж, – подумала мисс Петтигрю, – если они не против, чтобы я при этом присутствовала, то и я не против. Возможно, мои взгляды были слегка старомодными. Это... занятие, похоже, не лишено приятности».

Она села поудобнее и принялась рассматривать подробности.

«Ага! – отметила она вскоре. – Для Фила это было просто обязанностью, приятным, но заурадным пунктом расписания. Но Ник... Каждое движение, каждая ласка как бы говорит, что ты – единственная женщина во всем мире. Как тут устоять?»

Вскоре мисс Лафосс и Нику понадобилась передышка. Его отношение к мисс Петтигрю сменилось на философское. Если старушке – а для Ника старость наступала после тридцати – интересно, то не лишать же ее удовольствия. Как следует при ней, конечно, не развернешься, но время было еще раннее. Ночью гораздо удобнее, а недолгим ожиданием хорошую вещь не испортишь, скорее наоборот.

Он сел прямее.

– Как насчет выпить?

– Конечно! – сказала мисс Лафосс. – Ты же знаешь, где бутылки.

– Ладно. Что будем?

– Ну, – сказала мисс Лафосс задумчиво, – приготовь мне что-нибудь особенное, как ты умеешь. От твоих коктейлей заряжаешься на весь день.

– Как скажешь. А вам?

– Мне? – сказала мисс Петтигрю.

– Вам.

– Пить?

– А я о чем?

Мисс Петтигрю готова уже была сказать: «Ах, что вы, нет, благодарю», чтобы это прозвучало трепетно и целомудренно. Но не сказала. Не здесь. И не сейчас. Она вовремя поймала себя за язык – едва успела поймать. Теперь она была полна решимости принимать все, что ей предложено. Из этого удивительного дня, свалившегося на нее как снег на голову, она выжмет все до капли.

– Я не откажусь, – сказала она спокойно, легко и уверенно, – от бокала сухого хереса. Если вас не затруднит.

Она подчеркнула «сухого» – это показалось ей удачной находкой. Просто хереса может спросить кто угодно, но «сухого хереса» – это выдает хладнокровность, уравновешенность, утонченный вкус. Поднимает ее положение в обществе. Она понятия не имела, что означает «сухой» в приложении к вину, но ясно помнила мужа своей предпоследней хозяйки, который всегда наводил на нее страх своими громкими тирадами против «этого проклятого сухого хереса». То, что ему так не нравилось, просто обязано было понравиться ей.

Ник, впрочем, остался равнодушным.

– А точно не чего покрепче?

Решимость мисс Петтигрю не отказываться ни от чего была слегка поколеблена.

– Нет, благодарю, – сказала она, – но не с утра. Сухой херес, пожалуйста.

Ник вышел на кухню. Мисс Лафосс наклонилась ближе. Она чувствовала себя в некоторой степени ответственной за поведение Ника и, в частности, за его выражения, неподходящие для порядочных дам, вроде ее новой подруги.

– Не обращайтесь внимания, – шепнула она. – На самом деле он этого в виду не имел. Для него это все равно, что для нас было бы сказать «безобразие» или «какая досада».

Мисс Петтигрю подняла голову. Ее лицо посуровело.

– Милая, мне бы не хотелось, чтобы вы сочли меня нескромной, но в это я, боюсь, поверить не могу. Я намного старше вас, и за свою жизнь достаточно наслушалась людей, которые в свое оправдание повторяли, что ничего такого в виду не имели – в то время как, несомненно, имели в виду именно это. Попытка оправдать дурную привычку, вот и все. На вашем месте я постаралась бы повлиять на молодого человека с целью... привести в порядок его манеру общения. Уверена, что любой молодой человек питает больше уважения к юной леди, которая настаивает на соблюдении приличий в своем присутствии... не считите за назойливость, но, как я уже упоминала, я гожусь вам в матери.

Мисс Лафосс улыбнулась, но быстро скрыла эту улыбку. Ни за что на свете ей не хотелось бы обидеть мисс Петтигрю.

– Я попробую, – сказала она покорно. – Постараюсь. Не сомневаюсь, что вы совершенно правы.

Из кухни доносилось позвякивание бутылок и шаги Ника, который низким негромким голосом напевал какой-то популярный мотив. Внезапно он остановился, и наступило холодное, наводящее ужас молчание. Мисс Петтигрю посмотрела на мисс Лафосс. Мисс Лафосс посмотрела на мисс Петтигрю. Ее лицо сковала та самая маска испуга, которую мисс Петтигрю наблюдала при их первом знакомстве.

Дверь в кухню распахнулась, и Ник возник на пороге. Дрожь пробежала по спине мисс Петтигрю. Вся его беззаботная веселость испарилась, вид у него был угрожающий. В это мгновение мисс Петтигрю поняла, что значит в самом деле бояться мужчины. Зародившееся было в ней чувство, что все предыдущие события были просто забавной шуткой, которую ей было позволено наблюдать, сразу же исчезло, и она осознала, что находится теперь в совершенно других обстоятельствах, в которых места шуткам не было.

Милое личико мисс Лафосс побелело от страха под мрачным взглядом Ника.

– С каких это пор, – проговорил он тихо, – ты стала курить сигарки?

Мисс Петтигрю с трудом удержалась, чтобы не разразиться нервным смехом, и заметила, что та же самая истеричная веселость одолевала и мисс Лафосс. Голос мисс Лафосс ясно произнес у нее в голове: «А потом приходит сыщик, и говорит: “Ага! Скажите, мисс, это вы недавно выкурили тут сигару?”»

Мисс Лафосс не в состоянии была вымолвить ни слова. Мисс Петтигрю поняла, что все зависело теперь только от нее самой.

Ее мысли беспорядочно вертелись, пока среди них не вспыхнул, как взрывающийся фейерверк, знакомый ей образ. Мисс Браммеган, ее предыдущая хозяйка: грудь как два холма, нос как у лошади, рот – тиски, подбородок – топор, голос – рашпиль, мечта кадрового офицера. Два года, проведенные ею в услужении мисс Браммеган, были двумя годами чистого, бесприемного ада. Но сейчас она была ей искренне благодарна. Секрет крылся в подаче. Подав себя определенным образом, можно добиться чего угодно, и никто лучше ее не понимал, каким именно образом мисс Браммеган добивалась своего. Никто никогда не смел перечить мисс Браммеган. Что ж, настало время применить ее урок.

Мисс Петтигрю встала. Мисс Петтигрю прошлась по комнате, излучая вызов и презрение. Мисс Петтигрю взяла с кресла свою сумочку. Она повернулась. Она уставилась на Ника уничтожающим взглядом, гордо вздернула подбородок и заговорила.

– Молодой человек. Есть на свете ровно один тип людей, которых я на дух не переношу, и это мужчины, которые суют нос во все углы дома, как старые сплетницы, в надежде что-нибудь вынюхать. Я гостя хозяйки этого дома. Если она не возражает, то вам и подавно никакого дела нет и быть не может. Поэтому если мне угодно смолить сигарки, я буду их смолить, вместо этих ваших чертовых сигарет. В моем возрасте я могу себе позволить получать удовольствие от жизни, а ваше мнение по этому поводу может катиться к чертям. Ах, да. Прошу, угощайтесь. Всецело рекомендую.

Мисс Петтигрю открыла сумочку. Она извлекла оттуда мятую пачку сигарок. Она протянула их ему. Назревало противостояние. Она фыркнула. Он нахмурился.

Но было ясно, за кем осталась победа. Ник протянул руку, взял пачку и придирчиво сравнил ее содержимое с окурком у себя в руках. Потом бросил окурочек на ковер и раздавил его каблуком. Он сделал несколько шагов в сторону мисс Лафосс и остановился, нависая над ней. Мягким, негромким голосом, но так, что мисс Петтигрю вздрогнула, он сказал:

– Не вздумай меня обманывать.

Мисс Лафосс была излечена в одно мгновение. Актерское мастерство не пропало зря. Она вскочила и досадливо всплеснула руками.

– Боже мой, Ник! Сколько можно? Я же сказала, что никаких мужчин в этом доме не будет. Доволен теперь? И где обещанный коктейль? Или мне идти за ним самой?

– Пардон.

Он закинул руку на плечи мисс Лафосс и поцеловал ее. Мисс Петтигрю поспешила скрыться в спальне.

«Ох! Этих двоих все же надо бы оставить ненадолго вдвоем. Кто бы мог подумать, что такого рода поцелуи вообще *существуют*».

Весь ее организм находился после визита миссис Браммеган в таком состоянии, что она готова была упасть на месте, но она храбро удержалась. Миссис Браммеган необходимо было доиграть до конца. Пока события разворачивались, она и не подумала, что, возможно, лучшим их разрешением было бы, чтобы Ник окончательно разъярился и ушел, хлопнув дверью. Ник ее пугал, как пугал он и мисс Лафосс. Этого ему больше позволять было нельзя. Бросив торопливый взгляд в зеркало, она снова вышла в гостиную.

Ник как раз вносил поднос с напитками. Мисс Лафосс скромно, молча сияла, как и подобает женщине, только что получившей хорошую порцию страстных поцелуев. Сердце мисс Петтигрю дрогнуло. Такая беззащитная прелесть!

«Она снова в его власти, – подумала мисс Петтигрю. – Не позволю. Как-нибудь, но я спасу ее».

Ник протянул ей ее бокал. Мисс Петтигрю взяла его не глядя и осушила в одно движение, даже не задумавшись, какие последствия это может иметь.

– Что ж, – заметила она, – неплохо. Пожалуй, еще один.

Мисс Лафосс и Ник еле притронулись к своим напиткам. Ник посмотрел на нее с уважением. Старушка была еще ничего себе: курила сигарки, и опрокинуть стаканчик могла не хуже многих.

– Может быть, все же виски? – спросил он услужливо. – В шкафу наверняка найдется бутылка-другая.

– Благодарю, но нет, – сказала мисс Петтигрю. – С утра я предпочитаю что-нибудь полегче.

Голос ее при этом намекал на бездны несдержанности с заходом солнца.

«Боже мой, – пронеслась в ее голове мысль. – Неужели я это в самом деле только что сказала? Что происходит? Что со мной?»

Но ей было уже все равно. Эта мысль была всего лишь виноватой уступкой прежним принципам. Она полностью отдалась своему приключению, и, возможно, влиянию хорошего вина. Сейчас она была готова ко всему.

Ник принес ей второй бокал.

– Молодой человек, – сказала мисс Петтигрю, – когда вы не пытаетесь изображать старую сплетницу, вы мне вполне по душе.

– Благодарю, – ухмыльнулся Ник. – Настоящую даму видно сразу.

Эта дружеская болтовня несколько не уменьшила решимости мисс Петтигрю вырвать мисс Лафосс из его цепких лап. Всего лишь вежливый обмен любезностями во время перемирия.

Ник допил свой бокал и встал.

– Пойду, зайду к Дальтону. Дела. Иначе бы пошел обедать с тобой. Он выкладывает половину всей суммы, с ним надо поприветливее. Увидимся вечером.

– О! – воскликнула мисс Лафосс. – Но когда?

– Я зайду, когда закончится твой выход, и потом прямо сюда.

Рука мисс Лафосс покоилась на ручке кресла. Он наклонился, обхватил ее руку своей и внимательно посмотрел ей в глаза. Мисс Лафосс подняла глаза на него, и они застыли в молчании.

В груди мисс Петтигрю теснилось странное, щемящее, почти болезненное чувство, которое мисс Лафосс так точно описала. Этот взгляд был предназначен не ей. Никто никогда так на нее не смотрел, но она в точности понимала, что ощущает сейчас мисс Лафосс: ужас, слабость, восторг и... решимость, которая, расплываясь, превращалась неудержимо в покорность. Даже мисс Петтигрю попала под влияние этого взгляда. Со стороны могло показаться, что двое невинных влюбленных впервые узрели врата земного рая; глазам же наблюдательной мисс Петтигрю предстал расчетливый развратник, влекущий несчастную, такую милую жертву в преисподнюю.

Только невероятным усилием воли мисс Петтигрю смогла удержать в мыслях, что Ник – самовлюбленный злодей, который через год станет смотреть с таким же требовательным выражением на другую, в то время как жизнь мисс Лафосс будет к тому времени разрушена, а ее сердце разбито. Мисс Петтигрю, возможно, недоставало опыта, но достаточно было вспомнить кокаин – и все сразу становилось на место.

Зачарованный взгляд мисс Лафосс и слабость, разлитая в ее теле, говорили мисс Петтигрю, что она готова сдаться, что она уже сдалась. Но прежде чем слова полной капитуляции сорвались с ее губ, мисс Петтигрю выкатила тяжелую артиллерию.

Она сердито прошлась по комнате. На подносе все еще стояли пустые бокалы и бутылка хереса. Она налила себе и небрежно поднесла бокал к губам. Многие годы терпения научили ее ценить разрушительную силу небрежного жеста.

– Молодой человек, – сказала мисс Петтигрю самым строгим голосом, на который в этот момент была способна, – вы, несомненно, можете заглянуть сегодня вечером на пару слов, но засидеться поздно вам не удастся, предупреждаю сразу. Я уже не первой молодости и не собираюсь портить свое короткое пребывание здесь беспокойной ночью, которая на следующий день выбьет меня из колеи. Наше знакомство с мисс Лафосс достаточно давнее, чтобы избавить меня от излишней скромности, поэтому я вам и говорю все как есть.

Ник отдернул руку от руки мисс Лафосс, как будто от горячей плиты, и развернулся.

– Что?

– Что – что?

– Вы здесь *остаетесь*?

– Я здесь несомненно остаюсь. Я вам только что об этом сказала. Приглашение действительно до завтра, стало быть, я здесь до завтра. Но вам-то, простите, что за дело?

– Да!!!...???...!!! – снова взорвался Ник.

Во взгляде мисс Лафосс, направленном на мисс Петтигрю, читались досада, возмущение и явный вызов. В ответный взгляд мисс Петтигрю вложила спокойствие, уверенность и беспощадную строгость. Мисс Лафосс покраснела. Встрепенувшись, она собралась с остатками сил.

– Ник, милый, ты же говорил, что завтра, – дрожащим голосом сказала она.

– Телеграммы теперь вполне доступны, – заметила мисс Петтигрю.

– Да черт подери, не могу же я заранее знать...

– А без тебя мне так одиноко.

– Я приду сегодня ночью.

– Но у меня только одна кровать.

– А это еще...

– Приходите, если больше некуда, – дружелюбно перебила мисс Петтигрю. – Вам можно постелить на диване. Я слышала, что спать с согнутыми ногами полезно для здоровья. Только, – продолжала она, глядя на диван, – не для моего. В моем возрасте без удобной кровати уже не обойтись.

Ник был вынужден признать поражение. Старушка не уступала ему ни в чем, и на гостеприимство этой ночью претендовала, похоже, по праву. Пора умерить прыть и ступать осто-

рожно. Да и девчонка была с норовом, который имела привычку проявлять в самый неподходящий момент.

Перспектива ночи на диване его ничуть не прельщала. Он тоже предпочитал удобные кровати. Возможно, диван вместе с мисс Лафосс еще мог быть чем-то привлекательным, но диван в одиночестве, в то время как она невинно поживает в соседней комнате – увольте.

Он подобрал пальто и шляпу. Мисс Лафосс беспокойно следила за ним. Он молча оделся и направился к двери. На лице мисс Лафосс мисс Петтигрю наблюдала борьбу решимости, слабости и отчаяния.

«Если она сейчас сдастся, – подумала мисс Петтигрю, – то все потеряно. Я уже ничем не смогу ей помочь. И если он сейчас молча выйдет за дверь, то она побежит за ним».

Но Ник заговорил.

– Может, и стоило послать телеграмму.

Мисс Петтигрю глубоко вздохнула. Мисс Лафосс нервно сплела руки и робко, просительно улыbnулась.

– Я... Мне так жаль.

– Тогда до завтра.

– До завтра, – поспешно подтвердила мисс Лафосс.

«Если повезет», – мрачно подумала мисс Петтигрю.

– Пообедаем вместе.

– Да, – согласилась мисс Лафосс.

Он крепко взял ее за руки повыше локтя и привлек к себе.

– В конце концов, до завтра ты не испортишься.

Мисс Петтигрю испугало выражение расчетливой опытности на его еще молодом лице.

– Хорошего можно немного и подождать.

Он поцеловал ее, вышел и закрыл за собой дверь.

Глава четвертая 12:52–13:17

Как только дверь закрылась, в комнате будто освежело. Мисс Петтигрю глубоко, с облегчением вздохнула. Ноги ее подгибались; она чувствовала себя слабой, усталой, как после сильной встряски. Она нащупала стул, села, и внезапно разрыдалась.

Мисс Лафосс так и стояла перед дверью, уставившись на нее. Ник ушел, и она его не остановила. Какая глупость. Теперь, когда он ушел, больше всего на свете ей хотелось его вернуть. Еще секунда, и она выбежала бы вслед за ним, но слезы мисс Петтигрю заставили ее обернуться.

– Перестаньте. Прошу вас, перестаньте же.

Но на мисс Петтигрю навалилась вина за все ужасные проступки, которые она только что совершила – преднамеренная ложь, выпитое вино, ужасные бранные слова...

– Никогда в жизни я не использовала таких слов! – всхлипывала она.

– Правда? – удивилась мисс Лафосс.

– Ни разу. Даже в мыслях. Святой отец в нашей церкви всегда говорил, что браниться в мыслях столь же грешно, как и вслух, но к тому же еще и выдает в человеке труса. Он сам, разумеется, не делал ни того, ни другого.

– Поразительно! – восхитилась мисс Лафосс.

– Да, удивительный человек.

– Но я никаких ругательств от вас не услышала.

– Вероятно, вы были слишком взволнованы. Я сказала «чертовы» и «к чертям», и, знаете, именно это и имела в виду.

– А! – сказала мисс Лафосс, просияв. – Это не ругательство. Просто... выражение. Уверю вас, мода на разные выражения тоже приходит и уходит, как и на платья. Эти уже вполне вышли из списка греховных. Мне кажется, что вам необходимо еще немного выпить.

Она вернулась с бокалом, полным до краев.

– Вот. Это всего лишь вино. Я же знаю, что с утра вы предпочитаете что-нибудь полегче.

Мисс Петтигрю улыбнулась сквозь высыхающие слезы. На лице ее отразилось внезапное удивление.

– О! – сказала она. – У меня получилось. Я справилась с обстоятельствами.

– О да, – благоговейно подтвердила мисс Лафосс. – И как!

Мисс Петтигрю просияла, хотя и с трудом могла заставить себя поверить в то, что только что произошло.

– Я все исправила.

– Пейте, скорее, – сказала мисс Лафосс. – И расскажите, как вам это удалось.

Мисс Петтигрю отодвинула бокал.

– Нет, милая, благодарю. Я выпила уже два бокала. Порядочная женщина должна знать меру. Я еще никогда не позволяла себе быть навеселе от спиртных напитков, и не собираюсь начинать.

– Вы уверены?

– Вполне.

Мисс Лафосс быстро проглотила херес сама.

– Но прошу вас, скажите же. Я должна знать. Как. Вы. Это. Сделали. Я и не подумала про кухню. Совершенно забыла. Не проверила, не осталось ли там следов. Возмутительная беспечность. Боюсь, это у меня от рождения. Но вы... просто блестяще!

Мисс Петтигрю поспешила разуверить ее в своих талантах.

– Ну что вы. Все очень просто. Ничего особенного. Пожалуйста, не предполагайте во мне какой-либо особой хитрости. Позвольте мне вас разочаровать – убирая спальню, я обнаружила открытую пачку и не придумала ничего надежнее, чем положить ее себе в сумочку. А когда Ник вышел, метая молнии, я сразу вспомнила об этом. Дальнейшее произошло уже само собой.

– Само собой! – сказала мисс Лафосс. – Само собой! Блестяще! Неподражаемо! Признаюсь, сыграно было так, что я и не припомню, когда еще видела подобное.

– Но я вовсе не играла. Я повторяла.

– Повторяли?

– За миссис Браммеган.

– Кто такая миссис Браммеган?

– Моя прежняя хозяйка. И если мне будет позволено злословить о покойных, ужасная женщина.

– Простите, я не совсем понимаю, – призналась мисс Лафосс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.